

О СИСТЕМѢ ОБУЧЕНІЯ СТРѢЛБѢ.

При настоящемъ значеніи стрѣлбы въ бою, не подлежитъ никакому сомнѣнію необходимость самой рациональной разработки метода обученія военной стрѣлбѣ въ мирное время. Говоримъ «военной», а не просто стрѣлбѣ, ибо это двѣ, далеко не сходныя между собою, вещи. Въ виду этого, методъ обученія стрѣлбѣ, принятый въ другихъ, особенно сосѣднихъ, арміяхъ—дѣло далеко не безразличное и даже весьма интересное. Должно позаимствовать стоящее того; должно остерегаться отъ рутинныхъ увлеченій, особенно являющихся подѣ маскою боеваго успѣха и какъ бы освященныхъ боевымъ опытомъ. Въ особенности слѣдуетъ остерегаться этихъ якобы «освященныхъ»; не нужно забывать, что подѣ покровомъ ихъ проникали во-время-оно такія полезныя боевыя вещи, какъ пукли, косы, пудра, палка.

Передѣ нами статья: «Объ обученіи стрѣлбѣ въ прусской арміи»⁽¹⁾, составляющая извлеченіе изъ тамошнихъ наставленій для обученія стрѣлбѣ въ цѣль, недавно переработанныхъ. Судя по извлеченію, эти инструкціи представляютъ двѣ рѣзко отличныя одна отъ другой части: голову (элементарное обученіе) старую, а хвостъ (боевая стрѣлба)⁽²⁾ новый и даже, такъ сказать, русскій. Мы считаемъ себя въ правѣ признать хвостъ своимъ потому, что объ этомъ, между прочимъ, заявлено было вскользь и въ одной изъ корреспонденцій изъ Берлина, помѣщенныхъ въ «Русск. Инвал.». Голова же инструкцій—нашъ старый знакомый; это такъ называемая стрѣлба на условія, практиковавшаяся у насъ въ 58-хъ—60-хъ годахъ и затѣмъ брошенная, послѣ того какъ мы познали горькіе плоды ея: горькіе, конечно, съ боевой, а не съ узко-стрѣлковой точки зрѣнія.

Справедливо замѣчаетъ почтенный авторъ извлеченія, что всякую систему обученія стрѣлбѣ слѣдуетъ разсматривать не съ одной чисто стрѣлковой точки зрѣнія, но помнить и обстановку боя, такъ какъ военная стрѣлба и назначается только для боя, а не для достиженія какихъ либо другихъ артистически-стрѣлковыхъ цѣлей. Попытаемся же приложить эту точку зрѣнія къ прусскимъ инструкціямъ и опредѣлить: ка-

кія соображенія положены преимущественно въ основу ихъ, собственно элементарной, части: боевыя, или же мирно-стрѣлковыя?

Да не все-ли это равно, навѣрное скажутъ нѣкоторые; вѣдь, чѣмъ лучше часть стрѣляетъ въ мирное время, тѣмъ на лучшей результатъ стрѣлбы можно рассчитывать и въ бою? Чтобы убѣдиться, что это не такъ, просимъ благосклоннаго читателя обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: идеаль мирной стрѣлбы—тонкая стрѣлба, т. е. техника стрѣлбы на самыя близкія разстоянія, доведенная до возможнаго совершенства. Дѣло становится въ ней уже не такъ, чтобы попасть въ цѣль, но такъ, чтобы попасть въ извѣстную точку цѣли. Отсюда отвращеніе отъ стрѣлбы съ неограниченныхъ разстояній, выражающееся въ томъ, что и со старослужащими большая часть патроновъ расходуется на стрѣлбу съ ограниченныхъ разстояній; отсюда же и такіе, напримѣръ, фокусы, прямо вредныя съ боевой точки, какъ испытаніе мягкости спуска слѣдующимъ образомъ: взводится ударникъ и ружье ударяется прикладомъ о землю; если при этомъ ударникъ не спускается, признаютъ, что спускъ тугъ. А до того, что, при такой чувствительности спуска, возможны нечаянныя выстрѣлы, поклонникамъ тонкой стрѣлбы нѣтъ дѣла. Еслибы не было стыдно, то они, можетъ быть, не прочь были бы потребовать и шнеллера.

Идеаль боевой стрѣлбы—толковая, сваровистая стрѣлба: умѣть выбрать цѣль, умѣть опредѣлить до нея разстояніе, поставить прицѣль; умѣть выбрать мгновеніе для выстрѣла и не прозввать этого мгновенія. Не важно, въ какую точку цѣли попасть, лишь бы попасть; но весьма важно ничего не забыть изъ только что указаннаго; и рядомъ съ этимъ быть внимательнымъ къ сигналамъ, командамъ, приказаніямъ; занимаясь непріателемъ, въ то же время ихъ слышать и исполнять, и смотрѣть затѣмъ, чтобы ни товарищамъ не мѣшать стрѣлять, и чтобы они тебѣ не мѣшали.

Выстрѣлъ, хотя бы и посредственный, но при которомъ всѣ эти многосложныя условія приняты въ расчетъ, стоитъ неизмѣримо выше самаго тончайшаго выстрѣла, освобожденнаго отъ принятія ихъ въ расчетъ; и понимается само собою, что тонкая стрѣлба является при этомъ дѣломъ до такой степени мелочнымъ и ничтожнымъ, что мечтать о ней въ бою, по меньшей мѣрѣ, странно. Все сказанное даетъ намъ право заключить, что мирная стрѣлба къ боевой находится въ отношеніи всякой техники къ ея употребленію въ соответствующемъ дѣлѣ. А это отношеніе выражается вообще слѣдующей формулой: *умнѣе примѣнить къ дѣлу данныя техническія познанія или искусство, должно быть поставлено выше этихъ познаній или искус-*

⁽¹⁾ См. № 4 «Военнаго Сборника» за нынѣшній годъ.

⁽²⁾ Стрѣлба съ неопредѣленныхъ разстояній и ученія съ боевыми патронами.

ства. Это до такой степени вѣрно, что подтверждается жизнью на всякомъ шагѣ; въ ней дѣло дѣлаютъ не болѣе знающіе, но болѣе искусные въ примѣненіи своего знанія. Хорошо еще, если дѣло такого рода, гдѣ техника и примѣненіе ея безъ особаго ущерба распадаются: литераторъ сочиняетъ, но скверно пишетъ; писарь ничего не сочиняетъ, но хорошо пишетъ; въ данномъ случаѣ они могутъ другъ другу придти на помощь. Но въ стрѣльбѣ нельзя сдѣлать такъ, чтобы одинъ тонко стрѣлялъ, другой думалъ о выборѣ цѣли, третій объ исполненіи сигналовъ, четвертый объ опредѣленіи разстоянія; тутъ всякій солдатъ долженъ быть и писаремъ, и сочинителемъ вмѣстѣ. Если это такъ, то всякій безъ труда пойметъ, что пусть лучше не такъ хорошо пишетъ, лишь бы могъ сочинять, чѣмъ наоборотъ. Спора нѣтъ, что техника попаданія въ мишень, конечно, важна; но дѣло неизмѣримо высшей важности составляетъ способность, выработанная навыкомъ, упражненіемъ, принимать во вниманіе совмѣстно и современно всѣ тѣ многосложныя условія, которыми обставленъ выстрѣлъ въ бою.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ это принято въ расчетъ въ прусской инструкціи.

Первый принципъ этой инструкціи гласитъ, что *преимущественно стрѣльба на близкія разстоянія формируетъ стрѣлка.* Совершенно вѣрно; конечно, не выучившись стрѣлять на близкія разстоянія, нельзя и думать стрѣлять на дальнія; но изъ этого не слѣдуетъ, во-первыхъ, чтобы умѣющій хорошо стрѣлять на близкія разстоянія только по этому умѣлъ стрѣлять и на дальнія; не слѣдуетъ также, что то, что хорошо для сформированія стрѣлка вновь, безо всякаго измѣненія, хорошо для дальнѣйшаго усовершенствованія стрѣлка, уже сформированнаго. Это то же самое, что возвращать ежегодно къ писанію палочекъ человѣка, уже умѣющаго писать, къ азбукѣ и складамъ человѣка, умѣющаго читать, и выдерживать на этихъ первоначальныхъ упражненіяхъ долѣе, чѣмъ на писаніи и чтаніи.

Второй принципъ: люди раздѣляются на разряды: первый разрядъ стрѣляетъ на всѣ дистанціи до 2,240, второй — до 840 шаговъ, третій до 700.

Намъ кажется, что это не вѣрно; и вотъ почему:

Далеко не одно и то же поймать на мушку мишень на 350 шаговъ и, напримѣръ, на 800, а тѣмъ болѣе на 1,500. Тутъ требуются другія привычки глаза, другая установка прицѣла, другое положеніе головы и ствола. При ружьѣ Бердана, напримѣръ, прицѣливаніе на прямой выстрѣлъ (т. е. на 350, 400 шаговъ) требуетъ такого наклона головы, что къ верхнему краю лжи приходится середина щеки; а на 1,500

шаговъ голова поднимается на столько, что подбородокъ приходится надъ этимъ краемъ не менѣе какъ на дюймъ, т. е. остается уже безъ упора. Удержать спокойно въ этомъ положеніи голову, удержать спокойно стволъ подъ значительнымъ угломъ возвышенія, а не въ горизонтальномъ положеніи, поймать, наконецъ, мишень на мушку, уловить минуту для спуска курка—все это, полагаемъ, нѣсколько потрудитѣ, чѣмъ соответствующія дѣйствія на 350 шаговъ, и безъ практики не дается. Принято ли это въ расчетъ въ прусской инструкціи, по которой стрѣлки 2-го и 3-го разрядовъ «должны (!) умѣть дѣйствовать изъ своего ружья на дальнія разстоянія», но въ этомъ къ практикѣ не допускаются,—предоставляю судить безпристрастному читателю. Кто мало-мальски внимательно занимался съ солдатомъ, тотъ знаетъ, что чего онъ не продѣлалъ, того и не сдѣлаетъ; что требуемыя отъ него манипуляціи должно привить ему, по возможности, такъ, чтобы онъ исполнялъ ихъ почти инстинктивно: условіе въ высшей степени важное для боя, гдѣ даже и то, что продѣлывалось десятки разъ, зачастую выскакиваетъ изъ головы.

По прусской же инструкціи выходитъ, что если солдатъ выдержанъ на легчайшемъ, то труднѣйшее, т. е. стрѣльба съ дальнихъ дистанцій, придетъ у него сама собою. Признаемъ поэтому, что элементарная подготовка къ стрѣльбѣ поставлена въ этой инструкціи безъ соображенія со свойствами человѣка и съ современными боевыми условіями. Въ бою, вѣдь, не одни лучшіе стрѣлки, но *всѣ* разсыпанные начнутъ огонь съ самыхъ дальнихъ разстояній.

Скажутъ, можетъ быть, что слѣдуетъ на эти разстоянія допускать до стрѣльбы только лучшихъ; во-первыхъ, если это такъ, тогда стрѣлковъ 2-го и 3-го разрядовъ нѣтъ резону высылать и въ цѣль, пока непріятель не сблизится на такое разстояніе, до котораго они учились стрѣлять; во-вторыхъ, при теперешнихъ срокахъ службы, когда у васъ въ ротѣ военного состава, по крайней мѣрѣ, половина будетъ или отпускныхъ, или молодыхъ, и раздѣленіе-то на разряды не можетъ имѣть серьезнаго военнаго значенія, а представляетъ только учебный приемъ; въ-третьихъ, въ бою беспокойное состояніе духа на столько уравниваетъ всѣхъ людей (за исключеніемъ избранныхъ), что превосходство стрѣльбы перворазряднаго стрѣлка выразится надъ остальными людьми микроскопической величиной. Сверхъ того, въ зависимости именно отъ состоянія духа, ставить такое требованіе, чтобы человѣкъ, находящійся въ цѣли, не стрѣлялъ, когда въ него стрѣляютъ, гораздо легче, чѣмъ добиться его исполненія. Нужно къ этому, конечно, стремиться; но основывать обученіе на возможности до этого дойти—странно. Странно въ особен-

ности въ арміи, которая испытала, какъ трудно цѣлыя роты удержать отъ самопроизвольнаго разсыпанія въ цѣпь; и рассыпались онѣ не для одного того, конечно, чтобы только быть въ цѣпи—это ужь само собою разумѣется. Но отчего же допущена такая странная несообразность въ инструкціи арміи боевой и извѣстной послѣдовательностью всего того, что въ ней вырабатывается? Допущено по рутинѣ: оба разобранные принципа не выработаны вновь, а просто взяты безъ критической повѣрки изъ старой инструкціи, составленной еще для прежняго игольчататаго ружья, которое уже и на 800 шаговъ съ грѣхомъ пополамъ стрѣляло. Понятно, что при такомъ ружьѣ можно и должно было налегать на стрѣльбу ближнюю, почти не думая о дальней. Опытъ 1866 и 1870 годовъ не могъ показать прусакамъ ошибочность этого принципа потому, что обѣ кампаніи они сдѣлали именно съ тѣми ружьями, которые дали поводъ къ его принятію. Но теперь ружье измѣнилось, а принципы остались прежніе, да вдобавокъ поставлены подъ покровительство боевого опыта! Хотя боевой опытъ показываетъ совсѣмъ не то: онъ показываетъ, что не всегда можно разбирать, кого послать въ цѣпь; что всякая часть можетъ быть поставлена въ необходимость стрѣлять на *всѣ* тѣ дистанціи, которыя допускаетъ ея прицѣлъ, слѣдовательно, должна уметь и стрѣлять на эти дистанціи; что, въ виду этого, увлекаться идеалами мирнаго совершенства въ технику попаданія въ мишень не только несообразно съ боевой обстановкой, но, попросту говоря, безчеловѣчно, ибо *умѣть стрѣлять есть не обязанность, но право солдата*, такъ какъ отъ этого зависитъ его жизнь. Имѣемъ ли мы послѣ этого право отказывать ему въ возможности выучиться стрѣлять хотя какъ нибудь на всѣ дистанціи, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не можетъ выучиться стрѣлять хорошо? Чѣмъ онъ виноватъ, что Богъ не одарилъ его дальнимъ и яснымъ зрѣніемъ, крѣпкими и спокойными руками? Въ бою, вѣдь, вы на это не посмотрите, а вышлете его въ цѣпь; по какому же праву вы поставите его подъ пули врага на такія дистанціи, съ которыхъ отвѣчать на эти пули вы его не приготовили? По нашему послышному убѣжденію, пусть онъ хотя дурно стрѣляетъ, но непременно на всѣ тѣ дистанціи, на которыя вы потребуете отъ него стрѣльбы въ бою. Лишеніе его возможности стрѣлять наравнѣ съ товарищами составляетъ такое же посягательство, какъ невыдача чего либо, слѣдующаго ему по положенію. Что сказали бы о начальникѣ, который отнималъ бы часть пайка отъ тѣхъ людей, у кого желудокъ дурно варить, и передавалъ бы ее одареннымъ исправнымъ пищевареніемъ? То же самое, только въ большей мѣрѣ, должно сказать и о тѣхъ, кто пробуетъ примѣнять нѣчто подобное относительно отпуска патроновъ и

ограниченія дистанцій, подъ предлогомъ неравенства способностей людей къ стрѣльбѣ.

Но, можетъ быть, процентъ не попадающихъ въ первый разрядъ на столько ничтоженъ, что объ этомъ и говорить не стоить? Мы не имѣемъ объ этомъ данныхъ изъ какой либо прусской части, а потому по необходимости прибѣгаемъ къ нашимъ собственнымъ, и беремъ ихъ изъ того недавняго прошлаго, когда стрѣльба на условія была принята у насъ.

Въ 1860 году изъ одного стрѣльковаго баталіона, силою въ 904 человека, стрѣляя на условія, дошло:

До 1,200 шаговъ	—	199	человѣкъ	или	22%
» 800	»	»	105	»	» 12%
» 700	»	»	89	»	» 10%
» 600	»	»	101	»	» 11%
» 500	»	»	100	»	» 11%
» 400	»	»	111	»	» 12%
» 300	»	»	95	»	» 10%
» 200	»	»	70	»	» 8%
Остались на 100 шагахъ		34	»	»	» 4%

Эти цифры достаточно, кажется, говорятъ сами за себя; прибавлять къ нимъ много нечего, особенно въ виду того, что онѣ взяты въ одной изъ лучшихъ частей, составленной притомъ изъ людей, прослужившихъ не менѣе пяти лѣтъ въ строю. Система, которая къ концу курса даетъ полное образованіе только 22% состава, при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, какія уже болѣе не повторятся⁽¹⁾, не можетъ быть признана соображенною съ боевыми требованіями.

Солдатъ въ первый же годъ службы долженъ пройти всѣ тѣ отдѣлы образованія, примѣненіе которыхъ можетъ отъ него потребоваться въ бою; остальные годы службы утверждаться въ узнаномъ. Но нельзя поручиться за то, что ему всегда дадутъ на ученіе годъ и не поставятъ въ необходимость доканчивать образованіе въ бою, гдѣ уже поздно учиться, а нужно дѣйствовать. Принявъ все сказанное въ расчетъ, поневолѣ скажешь, что система стрѣльбы на условія рассчитана на нескончаемый миръ, на длинные сроки службы и на достиженіе не боевой годности, а мирнаго совершенства, удовлетворяемаго возможно большимъ числомъ пробоинъ въ досчатыхъ или иныхъ мишеняхъ. Правда, что этой послѣдней цѣли она достигаетъ весьма успѣшно, что уже нами было разъ объяснено; не желая повторяться, просимъ интересующихся

(1) Ибо въ будущемъ едва ли будутъ попадаться части, въ которыхъ самымъ молодымъ солдатамъ пять лѣтъ службы.

предметомъ прочесть замѣтку по поводу статьи «О производствѣ испытаній стрѣльбы», помѣщенную въ «Артилерійскомъ Журналѣ» за 1861 г., № 10, въ отдѣлѣ Смѣси.

Изъ остальныхъ основаній, принятыхъ въ прусскихъ инструкціяхъ, нельзя не признать вполне рациональными прохожденія курса стрѣльбы офицерами наравнѣ съ нижними чинами и приведенія мишеней къ размѣрамъ боевыхъ цѣлей; хотя относительно послѣдняго нельзя не замѣтить, что слишкомъ малыя мишени при учебной стрѣльбѣ едва ли удобны, такъ какъ нельзя судить о томъ, въ какой сторонѣ отъ мишени пролетаютъ ближайшія пули; а это весьма не бесполезно, какъ для соображенія при слѣдующихъ выстрѣлахъ, такъ и потому, что солдату стрѣлять веселѣе, когда онъ слышитъ, что пуля попадаетъ, хотя она ему и не засчитается. Но на боевой стрѣльбѣ такія мишени предпочтительнѣе большихъ.

О рациональности упражненій, названныхъ въ прусской инструкціи боевой стрѣльбой, у насъ говорить излишне, такъ какъ они получили примѣненіе въ нашей гвардіи еще съ 1861 года и включены въ «Наставленіе», если не ошибаемся, въ 1866 году, т. е. за десять лѣтъ до прусаковъ. Въ Пруссіи принятіе и этихъ упражненій не обошлось безъ педантическихъ классификацій: для линейной пѣхоты одинъ порядокъ ихъ производства, для стрѣлковъ — другой; хотя въ бою этой разницы не будетъ. Здѣсь же нашелъ мѣсто и учащенный огонь, составляющій прямое противорѣчіе важнѣйшему принципу тактики огня: именно его сбереженію.

Что касается до такъ названной «образцовой» стрѣльбы, производимой на дальнія разстоянія людьми только 1-го разряда въ пѣхотѣ, 1-го и 2-го — въ стрѣлкахъ, но въ присутствіи остальныхъ людей, то она немножко похожа на то, какъ если бы кто сказалъ своему товарищу: ты слушай какъ я кушаю, самъ будешь сытъ. Съ одного только того, что видишь какъ другой стрѣляетъ, самъ не выучишься стрѣлять. Если же признано нужнымъ дать хоть понятіе о стрѣльбѣ на дальнія дистанціи, то и спору быть не можетъ о томъ, что это понятіе отъ одного даже выстрѣла, сдѣланнаго самимъ солдатомъ, утвердится въ немъ прочнѣе, чѣмъ отъ сотенъ выстрѣловъ, дѣлаемыхъ передъ нимъ другими.

Итакъ, прусскія инструкціи, на нашъ глазъ по крайней мѣрѣ, представляютъ двѣ совершенно не согласованныя между собою половины, изъ которыхъ первая, устарѣвшая, загроможденная массою бесполезныхъ мелочей, хотя и мало соображена съ условіями современнаго боя и свойствами человѣка, но является, тѣмъ не менѣе, на столько вліятельною,

что при ней вторая половина (боевая стрѣльба) является только въ видѣ уступки, а образцовалъ — послѣднимъ взятіемъ этой уступки назадъ. Сколько намъ кажется, это законоположеніе переходное, которое въ настоящемъ своемъ видѣ не долго, вѣроятно, останется. Пруссаки отказались уже отъ строеваго педантизма въ виду условій боя; не замедлятъ, вѣроятно, отказаться и отъ педантизма стрѣлковаго, въ виду тѣхъ же условій.

А не слишкомъ ли ужъ самонадѣянно находить недостатки въ инструкціи, принятой въ такой побѣдоносной арміи? Побѣда представляетъ результатъ совокупности множества условій, а не какого либо одного; слѣдовательно, отираясь отъ факта побѣды, нельзя еще умозаключать, что въ побѣдившей арміи все непременно должно быть хорошо; и тѣмъ болѣе нельзя, что для одержанія побѣды нужно быть только немного лучше своего противника, а не безусловно хорошимъ во всѣхъ статьяхъ. Изъ того, что прусская армія хороша, еще не слѣдуетъ, чтобы все въ ней было такъ хорошо, что ужъ лучше ничего и придумать нельзя. Прусофиламъ все сказанное, конечно, покажется самонадѣяннымъ, а можетъ и дерзкимъ; но они больше пруссаки, чѣмъ сами пруссаки: и доказательство этому то, что пруссаки сами мѣняютъ теперь такія положенія, изъ-за которыхъ ихъ приверженцы недавно еще на стѣну лѣзли. Если бы пруссаки признавали ихъ хорошими, то, разумѣется, не стали бы мѣнять. Не разъ уже бывали подобныя увлеченія, и не разъ приводили къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. При Фридрихѣ пруссаки всѣхъ били; и современники (масса) поклонялись безъ разбора всему въ прусской арміи, до пудры и палокъ включительно. Нѣтъ нужды, что Ллойдъ скажетъ и докажетъ, что подражаніе вышности, формѣ не есть усовершенствованіе; что Суворовъ, въ одну изъ горькихъ минутъ, воскликнетъ: «прусскаго короля били, а меня не били!» Это будутъ только единичные голоса, которые затеряются въ массѣ. Но вотъ начали бить французы прусаковъ и ихъ подражателей — и прусская болѣзнь подражанія замѣняется французскою.

Мы считаемъ поэтому доводъ, столь часто теперь раздающійся: «если въ Пруссіи такъ дѣлается, то должно быть хорошо», не имѣющимъ логическаго основанія, а прусскіе порядки подлежащими критикѣ наравнѣ со всякими другими. Только она можетъ привести насъ отъ того, что дѣлается, къ тому «почему» такъ дѣлается; и если, при разборѣ, этого «почему» не окажется, или же хоть и окажется да пустое, то слѣдуетъ такъ-таки прямо и говорить, что хоть, молъ, и дѣлается такъ въ Пруссіи, да резону этому нѣтъ; значить, нѣтъ резону и принимать,

хоть бы это дѣлалось и во всемъ свѣтѣ. Въ этомъ слѣдуетъ брать примѣръ съ нихъ же, часто упоминаемыхъ прусаковъ: правильно или неправильно, но они не нашли резона картечицамъ, и не приняли ихъ, не взирая на то, что приняла вся Европа; и такіе они во всемъ.

Считаемъ себя въ правѣ критически отнестись къ разбираемой инструкціи и потому еще, что, какъ мнѣ кажется, въ разработкѣ принциповъ боевой стрѣльбы мы идемъ впереди остальной Европы. — Не правда ли, какая возмутительная самонадѣянность! Да, для тѣхъ, которые увлекаются своими личными симпатіями, это, дѣйствительно, и самонадѣянность, и возмутительная; но тѣ, которые привыкли относиться къ дѣлу безпристрастно, привыкли видѣть въ немъ не предлогъ къ поклоненію заграничнымъ авторитетамъ, а факты, и только факты, тѣ должны признать, что по части боевой, а не артистической стрѣльбы, мы до сихъ поръ шли впереди другихъ, а слѣдовательно и можемъ претендовать быть въ этомъ дѣлѣ компетентными судьями.

Основной недостатокъ разбираемыхъ инструкцій тотъ, что впервые (¹) они разрабатывались очевидно безъ участія тактиковъ, одними специалистами стрѣлковаго дѣла; только этимъ и можно объяснить себѣ вышеуказанныя увлеченія въ элементарной части и полное забвеніе основательной практики по соединенію выстрѣла съ опредѣленіемъ разстоянія, а затѣмъ и съ маневрированіемъ. Пришла пора обратить вниманіе на то и на другое, и начали дѣлать надстройки на старомъ зданіи, не глядя на то, что ни общаго характера въ зданіи, ни пропорціональности между его частями нѣтъ.

А какъ же слѣдовало бы сдѣлать по-вашему? Спросить читатели, и нѣкоторые, вѣроятно, не безъ проницательной улыбки.

По моему слѣдуетъ отправляться отъ уже выставленнаго основнаго начала, что *умѣть стрѣлять есть не обязанность, но право солдата*, разъ онъ признанъ способнымъ быть солдатомъ; стрѣлять притомъ на всѣ дистанціи, какія есть у него на прицѣлѣ, до самыхъ дальнихъ. На этомъ основаніи отпускъ патроновъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ вооруженныхъ одинаковыми ружьями, а тѣмъ болѣе одинаковы дистанціи стрѣльбы. Ставя вопросъ иначе, выходитъ, что патронъ и дистанція становятся какъ будто дороже человѣка. Это, разумѣется, не должно вести къ увеличенію общаго количества отпускаемыхъ патроновъ, а только уравниенію этого отпуска между стрѣлками и пѣхотой. Это, по нашему мнѣнію, и будетъ самое производительное распредѣленіе патроновъ.

(¹) Т. е., не позже, вѣроятно, какъ въ 45-хъ, 50-хъ годахъ. Годъ перваго изданія прусскихъ инструкцій намъ неизвѣстенъ.

Первый годъ налегать на стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній и на ближнія дистанціи; но все же дойти до самыхъ дальнихъ дистанцій. Начиная со втораго года, стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній производится самымъ ограниченнымъ числомъ патроновъ, только для повѣрки прицѣловъ; остальные патроны употребляются для стрѣльбы съ неопредѣленныхъ разстояній и для ученій съ боевыми патронами. Передъ смотрами, для освѣженія привычекъ глаза и пальца, дѣлать повторительную стрѣльбу на дистанцію прямаго выстрѣла. На подготовительныя къ стрѣлбѣ упражненія налегать настойчиво и непрерывно.

При такой системѣ боевая стрѣльба займетъ мѣсто, ей подобающее; и не будетъ той несообразности, что изъ-за стремленія утвердиться въ элементарной части дѣла, въ средствѣ, забываютъ совокупность дѣла — цѣль. Послѣдняго достигнуть труднѣе, чѣмъ перваго; слѣдовательно, на немъ и нужно останавливаться дольше, чѣмъ на первомъ. Раздѣленіе на разряды должно быть основываемо на искусствѣ стрѣльбы на всѣ дистанціи, а не служить предлогомъ къ тому, чтобы лишать солдата права проходить полный курсъ стрѣльбы.

Да; но вѣдь тогда не будетъ ни стрѣлковъ, ни линейныхъ, а всѣ будутъ одинаковы? Отвѣтъ на это далъ еще Наполеонъ: не нужно ни линейной, ни легкой пѣхоты; нужна только одна — *хорошая пѣхота*.

Техника важна, но комбинація выше и важнѣе. Въ словарь находятъ не только всѣ слова, которыя употреблялъ Гоголь или Пушкинъ, но несравненно больше; и никто, вслѣдствіе этого, не признаетъ словаря гениальнымъ произведеніемъ, ибо только *комбинація* словъ даетъ гениальныя произведенія, а матеріалъ безъ комбинаціи — «глупому сыну не въ помощь богатство».

М. Драгомировъ.

14-го апрѣля 1876. Кишиневъ.